

Лагерь дачного режима

ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ
НОМИНАНТОВ «ЗОЛОТОЙ
МАСКИ» 2017 ГОДА
СТАЛ СПЕКТАКЛЬ
ВОРОНЕЖСКОГО
КАМЕРНОГО ТЕАТРА
«ДЯДЯ ВАНЯ»
В ПОСТАНОВКЕ ЕГО
ХУДРУКА МИХАИЛА
БЫЧКОВА. ПО ВЕРСИИ
РЕЖИССЁРА
В ЧЕХОВСКОЙ ПЬЕСЕ
ЗЕРКАЛЬНО ОТРАЗИЛАСЬ
ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ
ЛЮДЕЙ ВРЕМЁН
БРЕЖНЕВСКОГО
ЗАСТОЯ – БЕЗМЯТЕЖНАЯ
И НЕСВОБОДНАЯ,
ПОРОДИВШАЯ
«ПОКОЛЕНИЕ ДВОРНИКОВ
И СТОРОЖЕЙ» –
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ,
СБЕГАВШИХ
ВО ВНУТРЕННЮЮ
ЭМИГРАЦИЮ
ОТ ТОТАЛЬНОЙ
НЕРЕНТАБЕЛЬНОСТИ
СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.
А АКТЁРСКИЙ
АНСАМБЛЬ ПРОСТО
ОЧАРОВАЛ МАСТЕРСКИМ
БАЛАНСИРОВАНИЕМ
МЕЖДУ «ТИПИЧНЫМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВОМ»
ЭПОХИ И ПОДЛИННЫМ
ТЕПЛОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПРИСУТСТВИЯ.

Ключая проволока вокруг лагерного барака украшена весёлой гирляндой фонариков (художник Николай Симонов). За оградой этого «вольера» – заповедник, обозначенный неожиданно возникающими в глубине сцены фанерными оленями (цитата из культового фильма конца 1960-х «Король-олень» и иллюстрация к шлягеру 1970-х «Беловежская Пуща», которая вошла в саундтрек спектакля). Заповедная зона систематически уничтожается – пол в бараке сложился из густо посаженных пеньков, а по соседству работает деревоперерабатывающая фабрика (откуда и приходит человек за доктором, весь в стружке). Нары, лампочки без абажуров, титан, заменяющий самовар, – убогий интерьер превращён обитателями в подобие советской провинциальной «загородной резиденции»: душевая со ржавым баком скрыта за занавесочкой, из заедающего проигрывателя звучит популярная в 1960-х «Цыганочка», нары завалены подушками, на столе эмалиро-

ванная посуда и банки с заготовками. Дачники одеты в донашиваемое.

Пламенная пенсионерка Войницкая (Татьяна Сезоненко), из тех, кто по сей день боготворит власть, которая её обирает, ряжена в спортивные штаны-эластик с лампасами, чужой полосатый пиджак не в цвет и в берет, скрывающий неухоженность куафюры. Телегин (Андрей Мирошников) – бывший вояка Вафля (в устах человека присяги самым естественным образом звучит бессмертная фраза про измену жене и Отечеству) – в застиранной военной форме без погон, уже не по размеру тесной. Нянька (Татьяна Чернявская) в синем халате и тряпице, повязанной на затылке, как у нянечки в больнице, постоянно наливает тоскующим персонажам в качестве лекарства совсем не чай. Дядя Ваня (Камиль Тукаев), jovиальный обаятельный шалопай, носит штормовку каэспэшника и даёт волю шаловливым рукам, недвусмысленно помогаясь Елены (Надежда Азоркина-Васильева специально приезжает из Москвы играть в этом спектакле) – женщины в отсутствие секса, которого в СССР, как гово-

рят, не было. Под норковой шубкой она обнаруживает купальник (подобно Светлане Светличной, сбрасывающей халатик в «Бриллиантовой руке»), её фраза «Не смотрите на меня так, я этого не люблю» после танца перед Войницким – провокация, её игра на трубе и массаж – на грани мастурбации. От этого зрелища отворачивается супруг-профессор (Юрий Овчинников), облачённый в советский дефицит: бархатный пиджак, артистический шейный платок и явно импортный плащ а-ля член Союза писателей, понимамай: работник идеологического фронта.

Дядя Ваня безынициативен, мало зарабатывает, вместе с племянницей обречённо выжимает копейки из убыточного хозяйства. Советский, но всё же интеллигент, осознавший ложность идеологии, которой служил. Поэтому он так тянется к Астрову (Андрей Новиков), который трудится во имя подлинной идеи: прожекты доктора по сохранению лесов делают его в этом контексте диссидентом. Говоря об удушливости атмосферы в доме профессора, Астров имеет в виду несвободу, а Сонино «Не давайте пить дяде!» звучит как «Не заражайте его идеями!». Попытки такого доктора «лечить» профессора обречены – врач и пациент идеологически несовместимы.

На фоне прочих жертв тоталитаризма только «некрасивая», хрупкая Соня (Татьяна Бабенкова) сумела сохранить цельность личности. Она добра, великодушна, терпелива. На простые христианские добродетели не повлияли ни идеи отца-профессора, ни мечты о красивой жизни, как бы самозабвенно она ни танцевала под заграничную музыку. А её призыв «Надо быть милосердным!» обращён, кажется, прежде всего к сегодняшним серебряковым – идеологам уничтожения.

Заезженная пластинка бесконечно наяривает мелодию Пахмутовой «Надежда» в какой-то макабрической интерпретации. Дутый властитель умов призывает: «Надо дело делать!» И дядя Ваня с Соней снова примутся за бессмысленную работу, которая служит им нравственной анестезией, заменяет смыслы, сублимирует жизнь. В ожидании неба в алмазах – под монотонно прокручивающуюся на проигрывателе фразу из любимого с детства фильма «Про Красную Шапочку»: «Если долго-долго-долго...» Природа в образе фантомных оленей смотрит на них пустыми глазницами...

A summer-resort-type labor camp

Svetlana POLYAKOVA
Фото предоставлены

VORONEZH CHAMBER THEATRE'S PRODUCTION OF "UNCLE VANYA" STAGED BY MIKHAIL BYCHKOV, THE THEATRE'S ARTISTIC DIRECTOR, BECAME ONE OF THE 2017 GOLDEN MASK'S MAIN NOMINEES. IN THE DIRECTOR'S VERSION, CHEKHOV'S PLAY WAS A MIRRORLIKE REFLECTION OF THE LIVES OF THE SOVIET PEOPLE DURING THE TIME OF BREZHNEVIAN STAGNATION THAT GAVE RISE TO "A GENERATION OF STREET CLEANERS AND WATCHMEN" — INTELLECTUALS THAT ESCAPED INTO INNER IMMIGRATION FROM THE COMPLETE UNPROFITABILITY OF THE SOCIAL SYSTEM. THE CAST'S MASTERFUL ABILITY TO FIND THE

Barbed wire around the camp barrack is decorated with a joyful string of lights (artist Nikolai Simonov). Behind the fence of that "enclosure" is a nature preserve designated by the plywood deer that appear suddenly in the back of the stage. The conservation area is systematically being destroyed — the floor in the barrack is put together with densely planted stumps, and there's a wood processing plant operating nearby. The residents turn the squalid interior into a semblance of a Soviet provincial "country residence."

A fiery retiree Voynitskaya (Tatiana Sezonenko) is one of those who continue to worship the government that robs her. Telegin (Andrei Miroshnikov) — Waffles, a former war dog (the immortal words about betraying one's wife and Country sound most natural on the lips of a man, who'd taken the oath). The nurse (Tatiana Chernyavskaya) is treating the melancholy characters by constantly serving them a remedy that is anything but tea. Uncle Vanya (Kamil Tukaev), a jovial and charming scallywag, wears a KSP windbreaker and is a bit too free with his mischievous hands, unequivocally soliciting the affection of Helena (Nadezhda Azorkina-Vasileva came here from Moscow expressly for the purpose of playing in this production) — a woman with no sex life, in the USSR sex simply did not exist, as we were told. She reveals a bathing suit under her mink fur coat; her phrase "Don't look at me in that way, I don't like it" after her dance in front of Voynitsky is a provocative act, her playing the trumpet and her massage are on the verge of masturbation. Her professor husband (Yuri Ovchinnikov), a man of ideology, turns away from that sight.

Uncle Vanya lacks initiative, he earns little, and he's resigned to squeezing pennies out of an unprofitable economy together with his niece. He's a Soviet man, but he's also an intellectual who realized the falsehood of the ideology he served. That is why he is so drawn to Astrov (Andrei Novikov), who labors in the name of a true idea: the doctor's forest conservation projects make him a dissident in this context. When Astrov speaks about the stifling atmosphere in the professor's house, he's talking about unfreedom, and Sonya's "Do not let my uncle drink!" sounds like

"Do not give him ideas!" Any attempts by this doctor to "cure" the professor are doomed — the physician and the patient are ideologically incompatible.

Only the "not pretty", fragile Sonya (Tatiana Babenkova) was able to maintain the integrity of character against the background of all the other victims of totalitarianism. She is kind, generous, patient. Neither the ideas of her father, the professor, nor the dreams of a better life affected her simple Christian virtues, despite the abandon with which she danced to foreign music. And her call of "You must be kind!" seems to be directed first and foremost at the Serebryakovs of today — the ideologists of destruction.

A worn out record bashes out an endless macabre interpretation of Pakhmutova's melody "Hope." The phony opinion shaper calls on everyone to "Do something!." And Uncle Vanya with Sonya will once again get on with their senseless work that serves as their moral anesthesia, replaces meanings, sublimates life. All while waiting for their diamonds in the sky to the monotonous tune of the phrase from their favorite childhood movie "About the Little Red Riding Hood" that's playing on the turntable: "If for a long, long, long time you..." Nature in the form of the phantom deer stares back at them through empty eye-sockets...

